

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фр)
Ж13

Серия «Шедевры фэнтези»

Jean-Philippe Jaworski

MÊME PAS MORT
Rois du Monde, Première Branche

Перевод с французского: *Дарья Хайнбух*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

© 2013 Les Moutons Électriques, éditeur
© Дарья Хайнбух, перевод, 2020
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

НЕУМЕРШИЙ

Я простирался мостом над течением рек могучих;
Орлом я летел в небесах, плыл лодкою в бурном
море;
Был пузырьком в бочке пива, был водою ручья;
Был в сраженьи мечом и щитом, тот меч отражав-
шим;
Девять лет был струною арфы,
год был морскою пеной...

*Кад Годдо. Битва деревьев
Перевод В. В. Эрлихмана*

ПЕРВАЯ НОЧЬ

ТЫ ПОВЕДАЕШЬ ОБО МНЕ

Ты спустишься по течению рек и пересечёшь горы. Ты пройдёшь через леса и переплывёшь моря, которые простираются по правую сторону света¹. Дорога приведёт тебя к кельтским королевствам, к эллинским тиранам² и к этрусским лукумонам³. Повсюду ты будешь называть моё имя, прославлять мой род, мои походы, мои подвиги. Ты станешь первым сказителем преданий обо мне, зодчим, наводящим мосты, глашатаем вне бранного поля. Ты не посмеешь отказать мне в этой услуге. Ты не посмеешь пойти наперекор моей воле.

¹ Для кельтов было характерно представление о сторонах света, связанное с ориентацией по Солнцу. Они воспринимали мир, стоя лицом на восток. Север соотносился с левой стороной, а юг с правой. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, прим. переводчика.)

² *Тиран* в Древней Греции — лицо, насильственно захватившее власть.

³ *Лукумоны* — вельможи или князья, правившие городами-государствами в Этруссии (северо-запад Апеннинского полуострова).

Не сносить головы тому, кто поднимется против меня! Если ты отвергнешь мою просьбу, то я повелю отобрать всё твоё имущество, а тебя самого взять под стражу. Я раздам твой янтарь и амфоры своим героям, а себе оставлю лишь твою голову. Я вымою её, обваляю в мёде, эле и соли, опущу в можжевелевое масло и уберу в один из тех сундуков, где скапливается дань покорённых мною народов. А когда ко мне пожалуют почётные гости, я устрою им знатный пир. Я повелю расставить блюда с чернофигурной росписью, бронзовые длинногорлые кувшины и кратёры¹, в которых густые вина твоей страны смешиваются с дикими водами наших источников. Затем я водружу твою голову посреди сочного мяса и лоснящихся рыб, сладких фруктов и терпкого питья и скажу: «Полюбуйтесь, каков был ионийский торгош, оскорбивший моё гостеприимство. Так гуляйте же, гости дорогие, ешьте, пейте, веселитесь! А тот, кто гнушается моих щедрых даров, горько об этом жалеет». Ты и сам убедишься в моём бескрайнем великодушии: если откажешься увековечить память обо мне, я-то уж тебе удружу! Я сделаю тебя спутником всех моих пиршеств.

Но ты поведаешь обо мне.

Ты — богатый купец и хитроумный пройдоха, но без меня ты так и останешься обычным торговцем, что выменивает вазы и вино на невольников и металл. Я же

¹ *Кратер* — древнегреческий большой сосуд для смешивания вина с водой — глубокая чаша с двумя ручками из глины, реже — из металла или мрамора.

возвеличу тебя. Ты станешь моей посмертной песнью. Ты станешь голосом, разносящимся по всем трём мирам¹. Ты станешь вступительными строфами сказания, творцом которого являюсь я сам. Какой прок от твоих амфор, треножников и рабов? Всё это лишь земные блага. Я же дарую тебе слово. Я вдохну в тебя своё дыхание, дыхание воина, героя и короля. Доводилось ли тебе когда-либо слышать более щедрое предложение?

Ты умеешь толковать письмена, но удастся ли тебе считать облик воина так же искусно, как твои таблички? Взгляни на это мускулистое тело, на обожжённую солнцем кожу, на широкие ладони, на грозный орнамент, сплетённый из моих татуировок и шрамов. В них столько знаков, столько отпечатков прошлого! Моя торговля — война. Я оставил глубокий след в жизни народов, через которые прошёл. В награду за это они оставили отметины на моём теле. Злейшие мои враги преподнесли мне самые ценные трофеи; благодаря им я сохраняю величие даже нагим. Однако я уже стар, мне скоро сравняется два века². Мои руки ещё крепки — мало кто из молодых храбрецов осмеливается поднять на меня глаза, но уже дети моих детей резвятся меж хижинами и пастбищами, мне больше нет надобности обесцвечивать волосы, и порой меня клонит в дрему, когда пир затягивается до зари. Черты павших товарищей стёрлись из

¹ В понимании кельтов Небо, Море и Земля — это три независимые области и одновременно три части единого Мира.

² «Век» у кельтов исчислялся шестью пятилетними циклами, или тридцатью солнечными годами.

моей памяти, первые девушки, которых я возжелал, уже увяли красотой или почили. Теперь пришло время мне поразмыслить о том, чтобы продолжить свой путь. Но я не смогу уйти, не позаботившись о том, чтобы оставить о себе память — только так я не умру.

Именно поэтому ты поведаешь обо мне.

Когда я был ребёнком, мне случалось проделывать один незатейливый трюк. Я подцеплял муравья кончиком палочки и пускал его по ней вверх. Как только букашка достигала края, я переворачивал веточку. Муравей снова пускался по ней вверх, и я снова отправлял его в исходную точку. Эта нелепая игра продолжалась столь же долго, сколь длился мой каприз... И лишь на закате лет я постиг её смысл: я и есть тот муравей, а мир — моя палочка.

Я родился в землях столь дальних, что ныне они путаются в моём сознании с лесами Сумрачного бога¹, откуда ведут своё происхождение отцы моих отцов. С тех пор как я возмужал, я много исходил дорог: шёл по мягкой почве лесных чащ и плотной дернине лугов, пробирался по каменистой осыпи склонов и зыбкой трясине болот. Я много повидал: и диковинной красоты природу в дотоль неведомых краях и народы, там живущие, столь же разнообразные, как деревья в лесу. За время долгих скитаний я потерял одного за другим всех товарищей моей

¹ *Бог Цернунн* — в мифологии кельтов бог леса и диких животных и бог изобилия. В аспекте Подземного Мира Цернунн — Тёмный человек, Бог, который живёт в доме под Холмом и является владыкой подземного царства, связанным с циклами умирания и возрождения природы.

молодости, язык моих предков искажился до неузнаваемости, и даже собственная память истощилась от бесконечной череды минувших событий. Вот уже двадцать зим¹, как я расселил свой народ на этой широкой равнине меж морем и горами. Вот уже двадцать зим, как мир празден, он дремлет в пределах этих сочных лугов, пологих склонов холмов, ленивых изгибов рек, питающих наши земли. Вот уже двадцать зим, как мир баюкает нас безмятежными грёзами о бессмертии. Но стоит мне только приказать собрать стада, сжечь фермы и посевы и отправиться в дорогу, как мир вновь пойдёт по своему пути, всё более непостижимому, чем нам запомнилось, всё более бескрайнему, чем нам желалось. И если не дано человеку объять мир, то это потому, что мир бежит у него из-под ног. Мир — это бесконечно угрюмая мелопея² с множеством ладов, мир — это дорога с беспрестанно меняющимися горизонтами, мир — это королевство, скроенное из самой материи мечты. Мир — это чудо, хоть и жестокое, позволившее мне познать вкус тревоги.

Мир — это наваждение.

Ты ведь тоже странник, купец. Ты тоже видел, как бегут волны за бортом корабля, как мчатся облака по небу, играющему разными красками, как быстро пустеют и дичают ещё недавно возделанные пашни. Ты,

¹ Гражданское исчисление протяжённости года заключалось между одним и последующим праздником божества Тара, т. е. от ноября до ноября, и часто год именовался «зимним», поскольку праздник Тара начинался в первых числах самэна (зимы).

² *Мелопея* — монотонное протяжное пение.

как и я, знаешь — ничто не бывает незыблемо, всё пребывает в движении, всё преходяще, и только скоротечность нашего существования создаёт видимость постоянства. Быть может, так же, как и я, ты предавался мечтаниям в шёпоте листвы, в полутени одного из ваших храмов или перед бурным потоком реки. Но деревья ломаются, камни рассыпаются, реки увязают в песке. Всё развивается, разрушается, проходит, и даже плоть живых — всего лишь материя мёртвых. Ты — человек толковый и, верно, постиг мою мысль. Таких сильных духом людей, как ты, на свете мало, и таких людей я ценю. Разгадка тайн мироздания чуть было не погубила меня, а для человека, которого я чтил превыше всех других, она и вовсе стала роковой...

Мы пребываем в многогранной вселенной, а может быть, и в мире ином — во сне богов. Если только, конечно, мы не игрушки в руках жестокого и невежественного ребёнка. Народ и прорицатели видят бога в каждом роднике, в каждом камне, в каждом деревце, обвитом ветвями омелы. Друиды же шепчутся о том, что принцип вселенной в единстве, что есть лишь один бог, он и самец, и самка, и отец, и мать, и ребёнок. Так где же таится истина? Да и на что мне истина? Я знаю, что мне её уже не постичь.

У меня больше нет времени, чтобы и дальше носиться по свету в погоне за многоликими соблазнами, за химерами и упиваться ими без устали. Грядёт мой скорый конец. Мир настигает меня. Близится ночь, когда пелена застелет мои глаза, когда немощь настигнет меня в битве, и длинный железный меч повиснет в

моём кулаке, как в руке ребёнка. Близится ночь, когда я выплачу дань этому миру, нашим богам, когда мне придётся столкнуться с безграничной утратой. Король, лишённый власти. Воин, лишённый силы. Человек, лишённый будущего.

Но ведь я столько успел повидать, я взрастил столько племён, я одолел столько могущественных врагов! Я не хочу раствориться в забвении. Не хочу коснеть в безмолвии и покое. Не могу смириться с тем, что бесследно кану — навек обручившись с Матушкой сырой землёй — вместе с лошадьми, золотом, вином и оружием, сложенным мне в приданое. Если я упокоюсь здесь, на равнине, где в мире и достатке проживает моё большое племя, мне возведут курган. Мои дети и внуки будут почитать его как мою обитель, а те, кто последуют за ними, будут знать его как королевскую гробницу. Два или три поколения моих сыновей во время «сборища Луга»¹ будут, возможно, оглашать здесь свои решения. Затем о моей могиле станут слагать предания, а с годами она превратится в осевший бугор: пахари сравнивают его с землёй, и в этом краю он будет предан забвению. Рядом с «Аварским бродом»² я видел множество старых, изъеденных мхом валунов. Они стоят и поныне, но более ничего о них не известно — точно так станется и с моей могилой. Разумеется, вместе с мёртвыми я буду возвращаться во

¹ Праздник «сборище Луга» отмечался 1 августа и знаменовал собой начало уборочных работ. *Луг* — кельтский бог, покровитель земледелия, скотоводства и многих ремёсел.

² В настоящее время является современным городом Бурж.

